

ФЕНОМЕН ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ М. КАННИНГЕМА «ЧАСЫ»

Майкл Каннингем сегодня является одним из наиболее известных американских авторов, работающих в жанре интеллектуального романа. Его роман «Часы» был опубликован в 1998 году и успел получить широкое признание. Объектом внимания в данной статье выступает специфика построения образов в данном произведении в контексте постмодернистской техники и с позиций его внутренней целостности.

Роман «Часы» имеет трехчастную структуру, его действие совершается параллельно в трех разных временных и пространственных точках — Ричмонд 20-х годов, Лос-Анджелес 40-х и Нью-Йорк 90-х, Но в каждом из этих измерений оно ограничено только одним днем. Каждая глава посвящена одной из главных героинь романа, — Вирджинии Вулф, Лоре Браун или Клариссе Воган, которую лучший друг с юности называл «Миссис Дэллоуэй». Героинь объединяет их внутреннее беспокойство, неудовлетворенность жизнью, взаимоприятие с женщинами. Каждая героиня ощущает, что в реальной жизни она словно «играет роль», которая ее не выражает. Все трое не могут отделаться от мысли, что вскоре должны «обрести себя» и стать счастливыми. Что важно, в конце романа читатель понимает, что героини связаны и сюжетно: Лора Браун читает роман Вирджинии Вулф, а Кларисса Воган, в свою очередь, была с юности близким другом сына Лоры Браун.

Вирджиния Вулф, пожалуй, самая интересная героиня в романе Каннингема, не являющаяся при этом плодом воображения автора. Её образ, как образ писательницы, и её реально существующий текст, роман «Миссис Дэллоуэй» — в художественном пространстве романа Каннингема включаются в интертекстуальный диалог. Автор в статье для газеты *The Guardian* определил свой замысел романа как «книгу о чтении книги», а также прокомментировал, что его основой стало «современное переложение романа «Миссис Дэллоуэй» [4], однако непосредственное взаимодействие этих текстов должно стать предметом отдельного исследования. В рамках данной статьи все упоминания о Вирджинии Вулф будут относиться только к образу Вирджинии Вулф, созданному Майклом Каннингемом.

Главным объектом нашего исследовательского интереса станут взаимоотношения героинь и специфика взаимосвязи этих женских характеров. Важно отметить, что их связь, несмотря на разделяющий их временной промежуток, реализуется самым непосредственным образом. Роднит их не только близость самовосприятия и рефлексивность, но и способность восприятия себя «другими глазами». Говоря точнее, сознание каждой героини

словно «диалогизировано», раздвоено, за счёт постоянного пересечения субъектных границ «я» и «другого», в свою очередь, организующего особую повествовательную ситуацию: «я-как-другой». Наряду с этим, в отношении каждой героини присутствует и «объективный» взгляд, со стороны других героев романа. Столь усложнённая субъектно-объектная структура привела нас к обращению к категории «точки зрения».

Как было уже сказано, при создании романа «Часы» М. Каннингем обращался к роману В. Вулф «Миссис Дэллоуэй», а также позаимствовал черты некоторых героев и их реплики для создания собственного текста. Таким образом, организуется сложная полифоническая система голосов, внутри которой «размывается сама категория самовыражающегося «Я» [Липовецкий; 12]. Разрушению, или модификации, подвергается система как субъектного, так и аукториального повествования, поскольку, как отмечают многие исследователи, в постмодернистском дискурсе «разрушается прерогатива монологического автора на владение высшей истиной, авторская истина релятивизируется, растворяясь в многоуровневом диалоге точек зрения» [Липовецкий; 13]. Точки зрения в романе М. Каннингема можно охарактеризовать по классификации Успенского, как находящиеся в отношении «дополнения» в ситуации «одновременного использования нескольких точек зрения» [Успенский; 148–151].

Для этого исследования мы рассмотрели точки зрения, направленные только на три главных женских образа — Вирджинии Вулф, Лоры Браун и Клариссы Воган, которые в пространстве текста существуют не «объективировано», а как система взаимоотражений. Такое впечатление складывается из-за того, что каждый из этих образов, как уже подчёркивалось ранее, внутренне диалогичен. Метод исследования состоит в том, что выделенные нами цитаты из романа «Часы», связанные с категорией точек зрения, мы разделили на две главные категории — «внутренняя оценка», т. е. героиня глазами самой себя, и «внешняя оценка», т. е. героиня глазами других.

Что касается «внутренней оценки», то точки зрения по отношению ко всем героиням «неоднородны», а иногда даже диаметрально противоположны, что зачастую возникает вследствие их постоянной рефлексии, неудовлетворенности собой и одолевающих их сомнений. Основываясь на этой «неоднородности», мы условно разделили цитаты, относящиеся к «внутренней оценке», на описывающие «реальную Я» и «идеальную Я». Под оценками «идеальной Я» мы подразумеваем те черты, которые они считают не присущими себе, при этом нельзя ставить знак равенства между «идеальным» и «идеализированным»: мы используем слово «идеальный» в значении «не присущего», «отсутствующего», «нереального». В основе «реальной Я» лежат присущие им, по их мнению, оценки. Несмотря на

то, что название «реальная Я» претендует на некоторую объективность оценки, эти оценки можно назвать объективными лишь по отношению к моменту их произнесения: это обусловлено, во-первых, быстрой сменой мнений и их «неоднородностью», во-вторых, тем, что героини часто ловят себя на мысли, что это всего лишь «образ» или «роль».

«Внешнюю оценку» составляют высказывания или мысли о героинях близких или едва знакомых им людей. Но кроме этого, мы выделили особый вид «внешней оценки» — то, какой описывает Вирджиния Вулф героиню своего романа Клариссу Дэллоуэй. С помощью этого метода мы выделили центральную тему романа — тему творчества, которая реализуется в романе в трех ипостасях: писательство, материнство и творение жизни.

В раскрытии каждой из этих тем ключевую роль играет одна из главных героинь: тема писательства — Вирджиния Вулф, тема материнства — Лора Браун, и тема творения жизни — Кларисса Воган. Несмотря на это, образы всех героинь связаны со всеми ипостасями темы творчества, подобно тому, как «расходятся круги по воде» (образ, предложенный Мэри Джо Хьюз для описания механики постмодернистского воображения) [Хьюз].

В данной статье мы бы хотели остановиться на первой теме — теме писательства. Главную роль в романе по отношению к теме писательства играет Вирджиния Вулф. Она не просто писательница по профессии, она посвятила этому свою жизнь, и это то единственное, с чем она, несмотря на всю свою рефлексивность и сомнения, ассоциирует себя — такой подход к писательству укладывается в концепцию представлений писателей-модернистов о служении искусству. («На ступеньках Хогарт-хаус она останавливается, чтобы припомнить, кто она такая. Многолетний опыт научил ее, что нормальность обязательно предполагает что-то вроде ролевого поведения даже не столько ради мужа и слуг, сколько ради крепости собственных убеждений. Она — писательница, Леонард, Нелли, Ральф и прочие — читатели» [Каннингем; 98]).

Вирджиния не может судить о себе вне рамок образа писательницы: либо она чувствует «присутствие в себе чего-то неопределимого, как бы себя внутреннюю или, вернее, себя параллельную, более чистую», что помогает ей писать («идеальная Я»), либо она ощущает себя «обыкновенной женщиной, <...> обладающей определенными техническими навыками» («реальная Я») [Каннингем; 46–47]. И перед тем, как совершить самоубийство, Миссис Вулф думает о том, что «потерпела крах» не только потому, что не смогла справиться с мучившей ее болезнью, но и потому, что, по ее мнению, она не была писательницей, а просто «эксцентричной фантазеркой» [Каннингем; 12].

Для Вирджинии писательство также является своего рода способом компенсации: она создает образ Клариссы Дэллоуэй, уверенной светской

женщины, в противовес ощущению собственной несостоятельности в данной роли. А также формой сублимации: Вирджинии важно, чтобы ее герой покончил жизнь самоубийством (как понимает читатель романа Каннинггема), чтобы справиться с собственными нарастающими внутренними проблемами и печалью.

С Вирджинией Вулф связано намного меньше «внешних оценок», по сравнению с другими героинями, но большинство из них касаются восприятия ее личности, через ее произведения, глазами читателей, а именно глазами Лоры Браун. В восприятии Лоры, читательницы, формируется тот образ Вирджинии, который, с точки зрения самой писательницы, является «идеальным». Поэтому у Миссис Браун не укладывается в голове, как человек столь талантливый мог сомневаться в своем даровании, а потом и вовсе решиться на самоубийство.

Для Лоры Браун чтение — это не просто форма эскапизма — это ее вид со-творчества, писательства. Более того, чтение — это способ самоидентификации. («По крайней мере, думает она, круг ее чтения — не какие-нибудь детективы или любовные романы. По крайней мере, она развивает свой интеллект» [Каннинггем; 53]). А также способ оправдать себя, примирить единственную форму собственной самореализации — чтение — с той ролью, которую она должна играть в этой жизни, идеальной жены и матери. В некоторый момент Лора Браун даже начинает примерять на себя образ героини романа Вирджинии Вулф, Клариссы Дэллоуэй. Такая проекция позволяет ей осуществить «остранение» самой себя, примирить себя-как-героиню с собой реальной. Однако столь глубокое погружение, «вживание» в текст Вирджинии Вулф, рождает мысль о самоубийстве как о достойном способе разрешения собственных жизненных проблем.

Также Миссис Браун связывает с темой писательства ее сын, Ричард Браун, создатель романа о ней и Клариссе Воган. Именно в романе сына Лора стала тем, кем всегда хотела — другой, необыкновенной. Таким образом, Лоре удалось проявить себя в писательстве, но уже через творчество своего сына.

Третья главная героиня романа, Кларисса Воган, работает в издательстве — это самое простое проявление ее причастности к теме писательства. Но что важнее, с юности Ричард отождествлял ее с героиней романа Вирджинии Вулф Миссис Дэллоуэй, а позже она стала героиней уже его романа, правда, какой она предстает в романе Ричарда, мы не знаем. В посвященных Клариссе главах, она осознает себя через литературный образ («К тому же она женщина из романа, разве это не интересно?») [Каннинггем; 109]), хотя и постоянно думает о том, чтобы расстаться со своим прозвищем.

Но у Клариссы мысль о себе как литературной героине появляется не в «идеальной» внутренней оценке, а как само собой разумеющееся

в ее «реальном» представлении о себе. И все же для Клариссы мысль о причастности к литературной героине помогает ей «остраниться», пережить гнетущее осознание своей немолодости. Ее прозвище — это также ее связь со здоровым, юным, любящим ее Ричардом в ее воспоминаниях, так и умирающим другом, который уже вряд ли помнит ее настоящее имя, это ее связь между прошлым (идеальным образом себя-утраченной) и настоящим (образом себя-реальной). После смерти человека, называвшей ее миссис Дэллоуэй, Кларисса ощущает, что она уже не бессмертна, как героиня романа.

Подводя итоги, можно сказать, что не только сюжет, и то, как пересекаются жизни трех главных героинь, а также темы, реализующиеся в образе каждой из них, организуют единство текста, но и сама специфика текста-в-тексте (романа-в-романе) организует единство женского образа.

Во «внешнем», постмодернистском романе Каннингема, за счёт использования приема «потока сознания» происходит совмещение временного плана, т. е. героини одновременно существуют в настоящем и прошлом. Тематическое единство – круг проблем, связанных с восприятием героинями своей женской роли и тем, насколько она соотносится с их личностной самореализацией, а также тема творчества, становится фактором идейной целостности. Кроме того, несмотря на то, что каждая глава носит свое название, в соответствии с именем повествователя, можно утверждать, что постепенно сливаются и голоса, и сюжетные линии разных героинь, что также «работает» на формирование особого субъектного синкретизма.

Художественное же пространство «внутреннего» текста («Миссис Дэллоуэй») становится основой того диалога, который ведут героини друг с другом через время и пространство. Проецируя на себя роли «другого» (точнее, «другой» – Миссис Дэллоуэй) они приходят к «узнаванию» своего подлинного «я». Именно модернистский дискурс становится организующим началом постмодернистского романа Каннингема.

Каннингем М. Часы; пер. с англ. Д. Веденяпина. М. : Астрель : Corpus, 2011.

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000.

Cunningham M. Virginia Woolf, my mother and me // The Guardian [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/books/2011/jun/04/virginia-woolf-the-hours-michael-cunningham>

Hughes M.J. Virginia Woolf's Image of the Plunge: Intimations of the Postmodern Imagination [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://oic.uqam.ca/fr/system/files/garde/1769/documents/cf19-2-7-hughes_virginia_woolfs_image.pdf